

Цзин Бай в одно мгновение перестал чувствовать сонливость.

Он открыл глаза и повернул голову к Сяо Хэну, спящему рядом. Думал, что тот крепко спит, но наткнулся на пару огромных черных глаз.

Он тоже проснулся!

Они встретились взглядами, никто не проронил ни слова. Постепенно пение Сюфэн и глухие удары по разделочной доске стихли.

Вскоре небо на востоке подернулось белесой дымкой, в щели оконных рам просочился утренний свет. Цзин Бай с облегчением выдохнул и спросил Сяо Хэна:

— Ты расслышал, что именно она пела?

Сяо Хэн покачал головой:

— Диалект.

Они попытались восстановить услышанное, но выяснилось, что большинство слов не совпадают, так что цепочка улик, которую можно было выстроить из текста песни, оборвалась.

Осторожности ради они дождались полного рассвета, прежде чем открыть дверь. Двери других комнат по-прежнему оставались закрыты.

Увидев, что никто еще не встал, Цзин Бай побродил по двору, не обнаружив ничего подозрительного. Впрочем, как и места, где можно было бы рубить мясо.

Только он решил, что поиски тщетны, как со стороны гостевых комнат донесся истошный вопль. Это был мужской голос, полный такого отчаяния, будто связки вот-вот лопнут. Трудно было представить, что именно могло вызвать такой крик.

Цзин Бай поспешил на звук. Похоже, этот крик переполошил всех: двери гостевых комнат теперь стояли настежь. Несколько человек с перекошенными от ужаса лицами столпились у одной из дверей, другие в панике бежали обратно в свои комнаты — вероятно, чтобы их вырвало. Юй Юэ стоял поодаль, бледный как полотно, и испуганно озирался.

Это была вторая комната в коридоре, где поселили двух мужчин. Дверь была распахнута, и даже не приближаясь, можно было учуять тяжелый запах крови вперемешку со странным зловонием гнили, от которого тошнило.

Юй Юэ, заметив Цзин Бая, уцепился за него как за спасательный круг:

— Старший! Наконец-то вы вернулись!

Этот крик привлек всеобщее внимание. Цзин Бай проигнорировал устремленные на него взгляды и направился прямо к дверному проему:

— Что случилось?

Стоило ему подойти, как люди у входа инстинктивно расступились, бледнея еще сильнее. Цзин Бай заглянул внутрь и невольно нахмурился.

Кровать, пол и даже потолок — все было забрызгано кровью и ошметками плоти, повсюду валялись разорванные части тел. Цзин Бай подавил тошноту, вглядываясь в кровавое месиво, и заметил странную деталь.

— А где его голова?

— Это нужно спросить у его соседа, — Чжоу Дэчан, стоявший рядом, произнес это с тяжелым видом. — Тот весь в крови, от ужаса лишился рассудка, У Хуай увел его переодеться.

Погибшего звали Юй Минцзян, он жил вместе с Ван Хуэйчэном. Остальные услышали крик Ван Хуэйчэна и прибежали проверить, что стряслось, но, стоило им открыть дверь, как перед ними предстала эта ужасающая картина.

Цзин Баю показалось странным: Юй Минцзян погиб столь чудовищной смертью, неужели Ван Хуэйчэн мог спокойно спать среди этой плоти и крови до самого рассвета?

Не он один счел это подозрительным. Кто-то сразу выразил сомнение:

— Они же спали на одной кровати. Юй Минцзян в таком состоянии, как Ван Хуэйчэн мог не проснуться?

Это спросила Гу Илань, женщина постарше, которая жила в соседней комнате с другой участницей. Ее соседка, Янь Куй, которой едва исполнилось двадцать, была блее мела и дрожащими руками вцепилась в локоть Гу Илань. Та, будучи постарше и рассудительнее, сохраняла способность задавать вопросы.

Чжоу Дэчан понизил голос:

— Если это сделал не человек, то такое возможно.

Юй Юэ пробормотал:

— Но почему из двоих в одной комнате пострадал только он? Неужели только он нарушил условие смерти?

Янь Куй, дрожа, пролепетала:

— Э-это не та ли старуха, что приносила суп из зимней дыни... Мне она показалась такой жуткой, у-у-у!

Едва она закончила, как воцарилась мертвая тишина. Никто не хотел признавать, что вчера вечером они, скорее всего, столкнулись с призраком лицом к лицу.

Гу Илань поддержала соседку:

— Возможно. Было уже поздно, и никто из нас не стал пить этот суп.

Цзин Бай покачал головой. Гэн Сытянь тихо добавила:

— Я тоже не пила... У этой старухи был такой пугающий взгляд.

Юй Юэ вздрогнул:

— Я не пил! У меня после прошлых испытательных инстансов фобия: стоит кому-то улыбнуться мне, как я цепенею.

Чжоу Дэчан тоже покачал головой:

— Мы с У Хуаем не пили. Я никогда не ем после того, как умоюсь на ночь.

Гу Илань, будучи женщиной решительной, тут же заявила:

— А с чаем все в порядке или нет? Сейчас и проверим! Пойдем, Сяо Куй!

Она собралась с духом и потащила Янь Куй в их комнату. Спустя мгновение оттуда донесся визг. Янь Куй выбежала в коридор и бросилась в угол, ее начало рвать. Гу Илань вернулась с белым как мел лицом:

— С чаем действительно что-то не так. Вчера он выглядел как чай, а сейчас... превратился в какую-то жидкость красно-белого цвета.

Цзин Бай, запоздало осознав происходящее, недоверчиво спросил:

— Вы все приняли от нее чай?

Внимание всех снова переключилось на него. Некоторое время никто не решался заговорить, затем Гэн Сытянь слабо произнесла:

— Но... она же сама принесла, как можно было отказаться...

Цзин Бай вкратце пересказал события вчерашнего вечера, опустив лишь часть про Сюфэн. Чжоу Дэчан задумчиво подвел итог:

— Теперь можно с уверенностью сказать, что старуха — призрак. Этот банкет в честь семидесятилетия явно не сулит ничего хорошего.

Цзин Бай проигнорировал его и бросил:

— Где Ван Хуэйчэн? Мне нужно его расспросить.

Чжоу Дэчан помрачнел, но, увидев, что остальные согласно кивают, повел всех за собой. У двери стоял изможденный молодой человек лет двадцати. Чжоу Дэчан поспешно спросил:

— У Хуай, как Ван Хуэйчэн? Есть какие-то зацепки?

У Хуай покачал головой:

— Плохо дело. Посмотрите сами.

Он посторонился, пропуская их внутрь. Цзин Бай увидел человека, сжавшегося в кресле: тот сидел с отсутствующим видом и весь дрожал. Рядом с ним стоял маленький мальчик — Сяо Хэн, который исчез сразу после пробуждения.

У Хуай удивился:

— Эй? Ты когда здесь оказался?

Сяо Хэн робко взглянул на него, молча вернулся к Цзин Баю и ухватился за край его одежды.

Цзин Бай: «...»

Он безжалостно стряхнул этот «хвост» и подошел к Ван Хуэйчэну, помахав рукой перед его остекленевшими глазами.

Ван Хуэйчэн не отреагировал, продолжая смотреть в одну точку.

У Хуай с досадой сказал:

— Бесполезно. Он такой с того момента, как переоделся. Не проронил ни слова.

Цзин Бай не слушал. Оглядевшись, он взял со стола ту самую миску с супом из зимней дыни и шагнул к Ван Хуэйчэну.

Красно-белая жидкость плескалась в миске, источая едкий запах гнили. Янь Куй, стоявшая поодаль, побледнела и выбежала прочь. Цзин Бай, не обращая на это внимания, поднес миску к лицу Ван Хуэйчэна.

То ли от резкого запаха, то ли еще от чего, но взгляд Ван Хуэйчэна начал проясняться. Увидев перед собой знакомую фарфоровую миску с сине-белым узором, он вскочил с кресла!

Цзин Бай отреагировал быстро, рука у него была твердой, так что он успел отступить, прежде чем тот опрокинул миску. Ван Хуэйчэн, не отрывая глаз от посуды, отчаянно мотал головой и кричал:

— Не буду пить! Не буду!

Чжоу Дэчан помрачнел еще сильнее:

— Значит, дело действительно в этом супе.

Атмосфера стала еще более гнетущей. Кто мог подумать, что предложенный суп станет билетом на тот свет? В первую же ночь — труп, причем в таком ужасающем виде. Неудивительно, что сосед по комнате сломался, да и каждый из присутствующих теперь чувствовал, что его жизнь висит на волоске.

— Уважаемые гости, прошу к завтраку.

Неизвестно откуда в коридоре появилась Сюфэн, нарушив гнетущее молчание. Она была скромно одета, руки сложены на животе, взгляд смиренно опущен:

— Старуха-мать ждет вас в главном зале.

Услышав слова «старуха-мать», Янь Куй едва не лишилась чувств:

— Я не голодна, можно мне не идти завтракать?

Сюфэн не ответила прямо, лишь подняла глаза и посмотрела на нее. В ее взгляде не было никаких эмоций, но Янь Куй вздрогнула и начала заваливаться, пока Гу Илань не подхватила ее под руку.

Словно ничего не произошло, Сюфэн снова опустила голову и, подобно беспомощному, жалкому цветку, тихо произнесла:

— Старуха-мать ждет, чтобы угостить вас. Пожалуйста, следуйте за мной.

Все переглянулись — выхода, кроме как идти, не было. Убедившись, что все в сборе, Сюфэн слегка кивнула и повела их в главный зал.

Когда они прибыли вчера, было уже темно. Поместье огромное, но источников света почти не было, поэтому, кроме полумрака, они ничего не заметили. Теперь же, при свете дня, они начали замечать неладное.

В особняке множество комнат, все двери наглухо заперты. Оконная бумага пожелтела от времени.

Дворы, через которые они проходили, были просторными, но, кроме них самих, ни души. Даже птицы не пели — вокруг стояла пугающая, мертвая тишина.

В такой зловещей обстановке люди невольно сбились в кучу.

Ван Хуэйчэн, оцепенелый от страха, двигался как марионетка, казалось, будто Сяо Хэн ведет его за собой. Цзин Бай, шедший ровным шагом, сам не заметил, как оказался впереди всех.

Войдя в главный зал, Сюфэн поклонилась в сторону главного места:

— Старуха-мать, гости прибыли.

В тот же миг острая, как игла, волна злобы ударила в Цзин Бая. Он сделал вид, что ничего не почувствовал, и спокойно поднял голову. На почетном месте сидела та самая старуха, что вчера приносила суп.

Она по-прежнему была в той же черной повязке на голове, с суровым видом восседала во главе стола. По бокам от нее сидели двое мужчин, молодой и старый — судя по всему, муж и сын.

Хотя они были отцом и сыном, выглядели как братья. На головах — черные шапочки, одежда новая, яркая, только у одного синего цвета, у другого — коричневого. Даже узоры с пожеланием долголетия на груди были идентичны.

Может, из-за того, что цвета одежды им не шли, лица у обоих были мертвенно-белыми. Они сидели неподвижно, уставившись в деревянный стол, что выглядело крайне пугающе.

Сюфэн не села, а замерла рядом, как красивая, безмолвная статуя.

Когда все вошли в зал, старуха улыбнулась и радушно пригласила:

— Уважаемые гости, простите старуху, я неважно себя чувствую и не смогла встретить вас как подобает. Не стесняйтесь, садитесь за стол.

Цзин Бай окинул взглядом трапезу: ничего необычного, простая каша да закуски. Станным было другое: на главном столе десять мест, а приборов — всего девять.

Прямо напротив старухи пустовал стул, на котором не было ни миски, ни палочек.

Очевидно, хозяева уже знали, что один из гостей не придет к завтраку.

С того момента, как он вошел в зал, Цзин Бай почувствовал странный холод. Он понял, что старуха, похоже, положила на него глаз. Он уже собирался выбрать любое свободное место, как Чжоу Дэчан, который всю дорогу молчал, опередил его и первым занял стул.

Выбрал он его удачно: не рядом с мужчинами в шапочках и не возле пустого места без приборов.

У Хуай тут же сел рядом с ним. Остальные, словно очнувшись, начали украдкой бороться за места, которые считали безопасными.

Цзин Бай не обращал на это внимания. В любом случае, старуха не спускала с него недоброго взгляда, и эта липкая злоба вызывала у него знакомое чувство отвращения.

Он усмехнулся, дружелюбно улыбнулся старухе и сел прямо рядом с молодым мужчиной в шапочке, что сидел по левую руку от нее.

Это было место, куда никто не хотел садиться. Пока он подпирал подбородок, наблюдая за суетой остальных, остались два пустых стула — один рядом с Юй Минцзяном, другой — рядом со стариком возле старухи.

Оставшиеся двое — Сяо Хэн и Ван Хуэйчэн, чей дух, казалось, покинул тело.

Цзин Бай видел, что Ван Хуэйчэн стоит как истукан, а Сяо Хэн вообще не двигается.

Температура в комнате начала падать, масляные лампы замигали. Старуха с улыбкой спросила:

— Двое гостей, почему же вы не садитесь?

<http://bllate.org/book/21799/2255664>